

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

Выражение «копье приломити» в «Слове о полку Игореве» как отражение дружинной идеологии и как фразеологизм древнерусской лексики

Выражение «копье приломити» в тексте «Слова о полку Игореве» показалось подозрительным в отношении своей русскости еще ранним скептикам, увидевшим в нем почему-то галлицизм.¹ Спустя почти полстолетие галлицизмом упорно продолжал считать его и скептик новейшего времени проф. А. Мазон.²

Значение выражения «изломити копье», как типичного фразеологизма дружинной символики русского средневековья, очень хорошо объяснено в статьях Д. С. Лихачева³ и Д. Чижевского⁴ и не нуждается в дополнительном истолковании. Что касается лексико-грамматической стороны этого словосочетания в «Слове о полку Игореве», то она в общем осталась обойденной вниманием комментаторов. Это обстоятельство и остановило на ней наше внимание.

Сейчас стало совершенно очевидно, что выражение «копье приломити» в «Слове о полку Игореве», совершенно неоправданно смутившее скептиков, отнюдь не представляется изолированным во фразеологической системе древнерусского языка и ни в коем случае не может считаться заимствованным из средневековой французской романтики или выдуманным предполагаемым фальсификатором. Впечатление некоторой необычности может произвести лишь словесное оформление его второго компонента — глагола «приломити» с префиксом *при-*, не покрываемым приставкой *из-* глагола «изломити» в аналогичном словосочетании «изломити копье» в языке летописей. Например, в Лаврентьевской летописи: «Въеха Изяслав один в полку ратных и копье свое *изломи*» (1147 г.); Андрей Боголюбский «въехав прежде всех в противныя . . . и *изломи* копье свое в супротивье своем» (1149 г.); в Ипатьевской летописи: «Андрей же Дюргевичъ възмя копье и еха наперед . . . и *изломи* копье» (1151 г.);⁵ см. также в других местах летописи.⁶

¹ Ср.: Ф. М. Головенченко. Слово о полку Игореве. — Ученые записки Московск. пед. инст. им. В. И. Ленина, т. LXXXII, вып. 6, М., 1955, стр. 74.

² А. Мазон. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 57. Ср. возражения, сделанные проф. А. Мазону проф. Н. К. Гудзием в статье «Ревизия подлинности „Слова о полку Игореве“ в исследовании проф. А. Мазона» (Ученые записки Московск. гос. унив., вып. 110, Труды кафедры русской литературы, кн. 1, М., 1946, стр. 176).

³ Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М.—Л., 1950, стр. 74—75.

⁴ D. Čiževskij. 1) Lexikalisches, I. — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XXII, H. 2, Heidelberg, 1954, стр. 339—343; 2) Der magische Speerwurf. Aus zwei Welten. S. Gravenhage, 1956, стр. 17—28.

⁵ Д. С. Лихачев. Устные истоки . . . , стр. 74.

⁶ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники оусской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, стр. 73. Ср. также: В. Н. Перетц.

«Поскольку копье было оружием первой стычки и почти всегда ломалось в ней, нам становится понятным и обычный в летописи термин — „изломить копье“, употреблявшийся для обозначения того, что воин первым принял участие в битве», — говорит Д. Лихачев.⁷ «Иногда выражение „изломить копье“ употреблялось только для обозначения первой боевой схватки князя, его личного участия в единоборстве перед общей битвой», — читаем далее. Итак, «„изломить копье“ — это символ вступления в единоборство, символ личного участия князя в битве», — заключает Д. С. Лихачев.⁸ Это его заключение как нельзя лучше перекликается с тем, что мы видим в тексте «Слова», со словами, вложенными в уста князя Игоря: «Хошу бо, рече, копѣ приломити конецъ поля Половецкаго с вами Русици, хошу главу свою приложити» (стр. 6).⁹ Следовательно, историческая достоверность бытования этого воинского обычая в боевой практике древнерусских дружинников, и в особенности князей, и его самобытность не вызывают сомнений. А отсюда естественный вывод, что он не мог не найти выражения в системе изобразительных средств древнерусской лексики. Словосочетание «копье изломити» превратилось во фразеологическую модель, укоренившуюся в определенном стиле литературного языка древней Руси.

Однако факт наличия в древней русской письменности выражения «копье изломити» еще не абсолютное доказательство существования в ней и словосочетания «копье приломити» (подчеркиваем, «приломити», а не «изломити»). Ведь именно это неполное покрытие обоих слов — «изломити» и «приломити» (с *из-* и *при-*) дало основание дошедшему до крайности в своем скептицизме проф. А. Мазону причислить выражение «копѣ приломити» «Слова» к воображаемым галлицизмам.¹⁰ Посмотрим, насколько оправдано это сомнение в свете показаний старинных русских памятников и фольклорных записей и не пришло ли время окончательно вывести его из состава улик, направленных против подлинности «Слова».

Обращаясь к анализу морфемного состава глагола «приломити» в разбираемом выражении в «Слове», не можем не сослаться на то, что повергающая в смущение скептиков приставка *при-* в «приломити» (не «изломити» или «сълломити» и т. д.) обычна для целого ряда глаголов в нем. За исключением глагола «приломити» (стр. 6) и «приламатися» (стр. 12) глаголы с префиксом *при-* (с различными смысловыми оттенками, разумеется) встречаются в «Слове» еще в 14 случаях (всего в нем 9 различных глаголов с *при-* в 14 фразах). Это глаголы в разных формах: прикрыти (стр. 5, 12, 19), приложити (стр. 6), привести (стр. 16), прихаждати (стр. 19), притоптати (стр. 21), притрепати (стр. 33, 34), притрепетати (стр. 21; исправляют на «притрепати»), припѣшати (стр. 24), приодѣти (стр. 34), пригвоздити (стр. 37). В их окружении глаголы «приломити» (стр. 6) и «приламатися» (стр. 12) совсем не выглядят

«Слово о полку Игоревім», пам'ятка феодалної України-Русі XII віку. У Київі, 1926, стр. 167; D. Čiževskij. Lexikalisches, I, стр. 340; T. Čiževska. Glossary of the Igor' Tale. The Hague, 1966, стр. 276.

⁷ Д. С. Лихачев. Устные истоки. . . , стр. 75.

⁸ Там же.

⁹ Здесь и далее в скобках в тексте указываются страницы по первому изданию «Слова»: Ироническая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.

¹⁰ А. Мазон считает, что «изломити копье» и «приломити копье» отнюдь не одно и то же, и сблизает и отождествляет «изломити» с французским *briser*, а «приломити» с *rompre*. См.: A. Mazon. Le Slovo d'Igor, стр. 57, прим. 2.

из ряда вон выходящими словообразовательными моделями, противоречащими нормам русского языка того времени. К сказанному надо прибавить, что, за исключением глаголов «приломити» и «приламат(ся)» в сочетании со словом «копье» (с поправкой, которая будет сделана ниже) и «притрепати» и «притоптати», все остальные глаголы с *при-* в тексте «Слова» найдены и во многих известных в настоящее время памятниках языка древней Руси.¹¹ Само собой очевидно, что глаголы с приставкой *при-* «Слова о полку Игореве» нельзя выстроить в один ряд по признаку их выразительности и оттенкам значения приставки *при-*, а также — что весьма существенно — по возможностям ее замены другими приставками. Едва ли также можно безоговорочно включать в их среду глагол «приломити» (в выражении «копие приломити») лишь на основании наличия в нем формального признака — префикса *при-*. Тем не менее по основным компонентам своей морфологической структуры и по семантике он совершенно правдоподобен, и рядом с перечисленными выше приставочными глаголами «Слова» возможность его наличия в русском языке старшей поры очевидна. Еще очевидней становится она на фоне сопоставления глагола «приложить» с префиксальными глаголами с *при-* (с оттенком полноты и исчерпанности действия!) в тех же «Материалах» И. И. Срезневского. Ограничимся несколькими из них (в том числе и встречающимися в «Слове»): прикрыти 'покрыть' (целиком); приложить 'сложить' (голову); примучити 'подчинить'; приобидѣти 'обидеть'; приплакати 'оплакати'; приразити 'ударить', 'поразить'; приодѣти 'изукрасить', и др.¹²

В ходе наших рассуждений не может быть обойден вопрос: а что могла дать «Слову о полку Игореве» в этом направлении «Задонщина», — этот его гипотетический «прототип», на который с таким упорством делают ставку скептики? Итоги разысканий приводят к не требующим специальных толкований результатам. Так, во всех текстах «Задонщины» обнаружены всего два глагола с приставкой *при-*, употребленных и «Словом о полку Игореве», причем оба они совершенно обычны как лексемы и нейтральны стилистически. Это глаголы «привести» и «приходити» в формах прошедшего времени: «пришел», «привел», «привели», «придоша», «приведе» в «Задонщине»¹³ и «приведе» и «прихождаху» в «Слове» (стр. 16 и 19). Вряд ли нужно доказывать, что для их введения в текст «Слова» была необходимость использования какого-либо литературного образца. Ведь они были самыми обыкновенными словами каждодневной речи. Что касается глаголов (притом наиболее типичных для «Слова») «прикрыти» (стр. 5, 12, 19), «приложить» (стр. 6), «притрепати» (стр. 21, 33, 34), «притоптати» (стр. 21), «припѣшати» (стр. 24), «приодѣти» (стр. 34), «пригвоздити» (стр. 37), то их вообще нет в «Задонщине». Вот почему в этом плане языковая ткань ее не могла подсказать воображаемому фальсификатору идеи введения в язык «Слова» приставочной глагольной модели с необычным *при-*, вообще редкой, а в отдельных случаях уникальной (ср. «притрепати» и «притоптати» в «Слове»).

¹¹ Ср. примеры, приведенные у И. И. Срезневского: прикрыти (Сбор. 1076 г.), приложить (Лука Жид., XI в., по списку XVI в.), приодѣти (Мин., 1096 г., сентябрь) и др. (Срезневский. Материалы, т. II, стр. 1417, 1425 и 1422). Найдеными могут оказаться и остальные глаголы «Слова» с приставкой *при-*, сейчас почти уникальные. Недавно, например, в тексте сборника «Пчела» XIII—XIV вв. был обнаружен считавшийся долгое время нарах *legomena* глагол «припѣшати» (ср.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1967, стр. 500).

¹² Срезневский. Материалы, т. II, стр. 1417, 1425, 1432, 1439, 1444, 1451, 1442 и др.

¹³ См. тексты «Задонщины» в кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, стр. 535, 537, 542, 552; 537, 542, 552; 538, 554; 537, 542, 549; 549.

Не можем пройти мимо некоторых частных, но показательных примеров использования приставочных глаголов в «Задонщине», резко разнящихся от их употребления в «Слове». Это глагол «положить» в словосочетаниях «главы своя *положиша*» (список Ундольского),¹⁴ «головы своя *положить*» (список Ундольского),¹⁵ «главы свои *положити*» (Синодальный список)¹⁶ и др., которому в «Слове» соответствует более редкий, но известный и другим древнерусским памятникам глагол «приложить». Приставочному глаголу «притопташа» в «Задонщине» отвечает не к месту употребленный глагол «протоптати» (ср. «*протопташа* холми» в Ундольском списке, «*протопташа* холми и луги» в списке ГИМ, № 2060). Очень последовательно употреблен во всех списках «Задонщины» и глагол «покрыти» вместо характерного «прикрыти» в «Слове». Ср. «*покрыша* главы своя» (список Ундольского),¹⁷ «Поганыи *покрыша* руками» (список ГИМ, № 2060),¹⁸ и др. Не оправдана и форма глагола «прирыла» («*прирыла* еси горы каменные» в списке ГИМ, № 2060) с неподходящим префиксом *при-* (вместо *про-*рыла), неправильно понятым. Видим и случаи обратной замены. Так, вместо *пре-* в глаголе «преклонилось» в «Слове» встречаем *при-* в двух списках «Задонщины» (в списке Ундольского и Синодальном): «а древеса туюго к земли *приклонишася*» и т. д. Все эти случаи недвусмысленно говорят о неумении составителей редакций и списков «Задонщины» разобраться в правильном употреблении приставок *при-*, *пре-* и *про-*. В глаголе «приломити» ревностных критиков смущает наличие префикса *при-*, употребленного как будто не к месту. Но это только кажущаяся несообразность, так как аналогичная модель найдена в ряде древнерусских текстов с оттенком полноты действия (см. приведенные выше глаголы из «Материалов» И. И. Срезневского). К этому наблюдению надо прибавить и еще одно. Оказывается, что в древнерусском языке были в обращении дублетные приставочные глаголы с *при-* и *пре-*, одинаково выражавшие исчерпанность действия. Ср. «прильстити» (вместо «прѣльстити»), «припитати» (вместо «прѣпитати» 'в изобилии напитать'), «приставитися» (вместо «прѣставитися»)¹⁹ и др. Эта констатация — еще один аргумент в защиту реальности глагола «приломити» в «Слове». Смысловым содержанием указанных глаголов с *при-* (со значением полноты действия) определяются семантика и перевод глагола «приломити» в «Слове». Впрочем, его смысл обуславливается коррелятивным глаголом «приложить», вторым и заключительным словарным компонентом смыслового двучлена: «*Хошу ... копе приломити, ... хошу главу свою приложити, а любо...*», с не вызывающей сомнения семантикой. Во фразе-двучлене он — опорная смысловая точка.

Старинное значение глагола «приломити» донесено до нашего времени диалектными формами, бытующими в языке фольклора, в которых В. И. Даль так ревностно отыскивал остатки архаики. Приводим здесь главные. Ср.: «Все кирки о камень *приломилися*»; «По обух лезья *приломилися*»;²⁰ «Питья на столах да проливаются, альни стол в щепья да *приломастся*»;²¹ «Тут дубова эта мачта *приломилась*»;²² «Всю

¹⁴ Там же, стр. 535.

¹⁵ Там же, стр. 537.

¹⁶ Там же, стр. 553.

¹⁷ Там же, стр. 539.

¹⁸ Там же, стр. 544.

¹⁹ Срезневский И. И. Материалы, т. II, стр. 1428, 1440, 1444, 1457.

²⁰ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1955, стр. 422.

²¹ Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 130.

²² Е. Барсов. Причитания Северного края, ч. I. М., 1872, стр. 253.

капусту *приломал*», «*Приломали алы розовы цветы*» (т. е. 'изломали')²³ и т. д.

Однако всем этим вопрос о достоверности глагола «приломиги» в «Слове» не исчерпывается до конца. Придирчивые скептики в ответ могут предъявить возражение в том смысле, что глагол «приломить» в сочетании со словом «копье» до сих пор не обнаружен ни в памятниках древней русской письменности, ни в записях устной народной традиции. На такое предполагаемое возражение мы, однако, в состоянии сейчас же ответить, что словосочетание, полностью покрываемое выражением «ту ся копѣм приламати» в «Слове» (стр. 12), было недавно найдено нами в «Архангельских былинах» А. Д. Григорьева (оставаясь долгое время незамеченным). Ср.: «Съехались с нахвальщицком По дальню цисту полю На копыа на железные, -- у них копыа-то железные да *приломалисс*. Друг друга как не ранили» (курсив мой, — Н. Д.).²⁴ А от него — один шаг до выражения «копѣ приломити». Разумеется, что бытование словосочетания «копыа-то железные да приломалисе» в былинном языке еще не может служить стопроцентным доказательством того, что оно было ровесником времени создания «Слова о полку Игореве». Но вопреки этому его присутствие во фразеологии былинного языка весьма многозначительно, в особенности принимая во внимание то, что сложение древнерусского исторического эпоса (былинного цикла) восходит к эпохе образования Киевской Руси. К этому же периоду ведут и истоки языка «Слова», донесшего до наших дней реликты большой давности. Вот почему возникновение модели «копыа приломалисе» со значительной долей вероятности можно отнести к ранней поре истории русского языка, к годам русского средневековья. Это априорное предположение находит подтверждение в существовании аналогичного словосочетания «копия своя приломиша» во фразе «И ударишася копием вместе, и копия своя *приломиша* и спадошася оба с коней своих на землю, и тако скончашася оба» в Забелинском списке «Сказания о Мамаевом побоище» (ГИМ, собр. Забелина, № 261).²⁵ Тождественность обоих выражений настолько очевидна, что не пуждается в рассуждениях. Наличие этого общего выражения — фразеологической модели в «Слове», «Сказании» и в языке былинного эпоса является результатом его более широкого бытования в языке русской древности. Вот почему совсем не обязательно, что в «Слове» оно должно было или могло попасть из «Сказания», как этого хотелось бы скептикам. Типичных примеров употребления приставочных глаголов с *при-* в «Слове» мы видим в достаточном количестве, и в их окружении «приломити» не кажется инородным телом, попавшим в его текст непременно извне. Параллель, обнаруженная в «Сказании», подкрепленная языком былин, выводит бесповоротно выражение «копѣ приломити» из состава улик скептиков, свидетельствует о его принадлежности русскому языку (и другим славянским языкам)²⁶ и подтверждает аутентичность не только его самого, но и всего широкого языкового контекста, в котором оно нашло свое место.

²³ Н. И. Андреева-Васина. Значения глагольной приставки *при-* в русских народных говорах и произведениях устного народного творчества. — В кн.: Лексика русских народных говоров. (Опыт исследования). М.—Л., 1966, стр. 95.

²⁴ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I, ч. 1. Поморье. М., 1904, № 8, стр. 44.

²⁵ Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 195.

²⁶ Любопытные параллели к выражению «копѣ приломити» «Слова» в сербских юнацких песнях, доказывающие бытование его в славянском фольклоре вообще, приведены в интересной статье Ф. Я. Приимы «Южнославянские параллели к „Слову о полку Игореве“» (в сб.: Исторические связи в славянском фольклоре. Русский фольклор, XI, М.—Л., 1968, стр. 231—232).